

УДК 904

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЗДНЕМ КАМЕННОМ ВЕКЕ

В. С. Мосин

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620026, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56
mvs54@mail.ru

Рассматриваются возможности использования в археологии понятия «социокультурное пространство». Анализ социологического содержания этого понятия позволил попытаться выделить основные признаки традиций в мезолите–энеолите Зауралья. Картографирование памятников с основными традициями дало возможность определить социокультурное пространство зауральского населения позднего каменного века.

Ключевые слова: методология, традиции, социокультурное пространство, Зауралье, каменный век.

Более ста лет в археологии основным понятием является «археологическая культура», в котором ключевым выступает определение схожести и группировка по этому признаку артефактов разного уровня – от поселений и могильников до отдельных предметов. Археологическая культура отражает знание об остатках материальной культуры, но не может быть соотнесена ни с какой формой существования человеческих коллективов в древности. Такой формальный подход уже не позволяет разрешить проблемы эпохи камня в археологии, особенно для поздних периодов – мезолита–энеолита, и может рассматриваться как часть исследовательских процедур. Для исторической интерпретации археологических исследований очень важно понимание пространственного феномена в культуре социумов, основ и принципов возможных объединений людей древности в социумы разных уровней¹.

Основным объектом изучения археологии являются артефакты – часть сохранившейся и дошедшей до нас культуры древности, безусловно, преимущественно материальной культуры. И, хотя эта часть культуры считается далеко не полной, комплексы артефактов – это опредмеченные социальные потребности, через изучение которых мы можем моделировать исторические и социальные процессы. Адаптация общеисторических и социологических понятий, определений и терминов в археологических исследованиях поможет раздвинуть рамки интерпретации археологических источников. Целью работы является рассмотрение возможности использования в археологии понятия «социокультурное пространство». Пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как единое целое, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно многомерности. Актуальная задача современной археологии заключается в выявлении социокультурных пространств, в которых происходили события, дошедшие до нас в артефактах и дающие нам возможность моделировать историю тех или иных древних социумов. Философскую основу использования данного понятия составляют следующие положения.

Культура, возникшая как один из аспектов человеческой жизнедеятельности, ставшая в процессе развития теоретического мышления одним из определений человека, играла роль организованного накопленного опыта воспроизводственной деятельности человека. Одновременно культура для ее субъекта-носителя всегда есть программа деятельности этого субъекта, программа следования накопленному опыту. Любой социум существует, если является субъектом своей специфической субкультуры и если эта субкультура является основой для программ, которые направляют воспроизводственную деятельность этого социума. Утрата важных аспектов накопленной культуры угрожает социуму потерей возможности воспроизводства, поэтому опасность разрушения культуры ощущалась древними народами как самая страшная [Ахиезер, 2000, с. 29–45].

Человек постоянно воспроизводит культуру, она переходит от поколения к поколению, сохраняется в результатах его труда – предметах, традициях, представлениях и т.п. В повседневной жизни люди действуют в соответствии с исторически сложившимся содержанием культуры. В данном контексте – культуры, понимаемой как программа деятельности и формирующей идентич-

ность социума, т.е. принадлежность ему в определенный промежуток времени и в определенных условиях каких-либо постоянно проявляющихся свойств и характеристик. Это может находить отражение на уровне их адекватных описаний, использования совокупности этих свойств и характеристик для распознавания и наименования, выделения из числа сходных и различения с несходными. Социокультурная идентичность есть элемент реализации социумом своей определенности в данном пространственно-временном континууме, ее содержанием являются культурные и социальные представления, навыки и образцы, принимаемые в той или иной степени членами социумов разных уровней [Шакурова, 2007, с. 1–10].

Сущность данного вида идентичности заключается в принятии соответствующих культурных норм и ценностных ориентаций, понимании «своего» с позиции культурных характеристик, на фоне «другого». Одной из основных особенностей мышления людей традиционного общества можно считать его коллективистский характер – превалирование Мы-идентичности над Я-идентичностью в сознании отдельного человека [Элиас, 2001, с. 217, 273]. Коллективистское сознание – системообразующий принцип традиционного мировосприятия – охватывает всю жизнь в традиционном обществе, определяя стиль поведения людей. В археологии эпохи камня идентичность социума, т.е. его своеобразие на фоне других, можно выявить по сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах: технологических, морфологических, орнаментальных. В настоящее время такой анализ можно проводить исходя из технологии и морфологии (типологии) каменных орудий и традиций в технологии и орнаментации керамической посуды, своеобразие поселенческой архитектуры и погребального обряда.

Социокультурный подход предполагает изучение общества с точки зрения единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека [Сорокин, 1992, с. 218], он позволяет понять отношения между культурой и обществом, механизм формирования конкретно-исторической специфики исследуемого социума. В социологии в данном контексте под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идей, ценностей, норм, образцов и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами: экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности [Латин, 2000, с. 3–12]. В археологии культуру древних обществ мы можем изучать по комплексам артефактов как совокупности природных ресурсов и имевшихся в обществе технологий, по предметам искусства и мировоззренческим представлениям, реконструируемым по остаткам погребений, святилищ и орнаментам на посуде и других вещах. Социальную составляющую древних обществ можно моделировать по пространственному расположению выявленных традиций, присущих тем или иным социумам. И здесь мы уже должны обратиться к понятию «социокультурное пространство».

Социокультурное пространство можно соотнести с двумя взаимосвязанными понятиями – «социальное пространство» и «культурное пространство». Под социальным пространством понимается «поле социальной деятельности, включающее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 273]. Пространственные структуры, характеризующие социальную сферу, не сводятся к биологическому и физическому пространствам, но стремятся реализоваться в них. Входящие в социальное пространство образования взаимодействуют более тесно между собой и менее тесно – с внешними социумами, их характер и взаимосвязь меняются в историческом процессе. Специфические черты и характеристики социального пространства отражаются, хотя и не всегда адекватно, в мировоззрении человека соответствующей исторической эпохи, поскольку определяются деятельностью людей и несут на себе печать социальных отношений, характерных для конкретной исторической эпохи, выступая как культурно значимые пространственные формы.

Понятие «культурное пространство» можно рассматривать как понятие, характеризующее культуру в плане её расположения и протяжённости, имеющее условные границы, обладающее способностью к изменению, увеличению или сокращению, способное взаимодействовать с другими культурными пространствами. Категория пространства непосредственно связана с понятием культуры, поскольку своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство. Ю. М. Лотман рассматривал пространство культуры как «пространство общей памяти» [Ремизова, 2012, с. 158–162; Волкова,

2002, с. 149–164].

Культурное пространство в археологии связано с распространением технологических, морфологических и орнаментальных навыков и представлений, характеризующих множество социумов в промежутки времени. Технологичность изготовления, формы и орнаментации артефактов разного уровня в каменном веке могли передаваться от поколения к поколению только путем непосредственного обучения. У коллективов, не связанных между собой, они неизбежно будут различаться, поскольку в разных социумах формируются свои представления о форме, удобстве и функциональности того или иного орудия, что в конечном счете приводит к возникновению культурных традиций. Вместе с тем эти орудия в разных социумах не могут быть абсолютно идентичны. Например, в процессе обучения навыкам изготовления орудий из камня или керамических сосудов ученик первоначально просто повторяет нужные действия и воспроизводит необходимый предмет по возможности точно, а в дальнейшем он эти действия интерпретирует, исходя из своего понимания результата, что и приводит к постепенному изменению, переосмыслению, развитию культуры, к движению от нового и старому. Комплексы материальной культуры, оставленные конкретными социумами и одновременно находящиеся в рамках присущих этим социумам традиций, и являются «пространством общей памяти».

Можно выделить три слоя социокультурного пространства, которые анализирует археолог. Это, во-первых, предметное пространство материальной культуры, доступное нам в артефактах и заключенное в физическое пространство и время; во-вторых, символическое пространство духовной культуры, объективированное в ценностях и нормах поведения, в совокупности сакральных, мифологических, закрытых и открытых традиций. Оно доступно нам в типологии каменных орудий и орнаментальных традициях, а также в редких предметах искусства, обрядах погребений и святилищах. Такое символическое пространство является многослойным и включает несколько традиций, способом существования которых служит диалог внутри каждого социума. В-третьих, это пространство социальных отношений, включая экономические, брачно-семейные, дарообменные и другие, которые наиболее трудны для выявления. Различные слои этого пространства непротиворечиво взаимодействуют, проникают один в другой. В каждый конкретный исторический период существует ряд условий и факторов, которые могут влиять на дифференциацию социокультурных пространств: выделяются естественные (географические, климатические, экологические, биологические, демографические), социальные (система жизнеобеспечения и социальная структура), культурные (традиции, представления, навыки) пространства.

Для определения социокультурного пространства Зауралья необходимо выявить основные признаки, маркирующие традиции. Для мезолита это могут быть технологические и морфологические особенности комплексов каменного инвентаря. При всеобщей стандартизации, присущей микропластинчатым комплексам, к которым относится мезолит Зауралья, только устойчивые сочетания оригинальных орудий позволяют отличать одну традицию от другой.

Технологическое своеобразие зауральской мезолитической традиции заключается в особенностях процесса расщепления и подготовки орудий. Начальный этап призматического расщепления связан с подготовкой и использованием торцевых нуклеусов. Затем с торца фронт нуклеуса перемещался на боковую поверхность. Для овально-уплощенных форм предел расщепления – скалывание с двух третей или с трех четвертей поверхности ядрища. Формы с подквадратным или округлым сечением приобретали круговую огранку. На всех этапах мастер мог превратить нуклеус в двухплощадочный. Для орудийного комплекса критерием отбора выступала износоустойчивость, что требовало от мастера верного выбора заготовки по ширине и толщине. Вкладыши наконечников метательного вооружения требовали меньшей износоустойчивости, поэтому необходимыми параметрами их были: ширина 6–7 мм и толщина 1 мм. Пластины, подходившие по износоустойчивости для мясных ножей и резчиков, имели ширину 9–10 мм и толщину 2–3 мм. Еще большую износоустойчивость требовали скребки и скобели для обработки твердых материалов. Для этих категорий широко использовались продольные и поперечные сколы, а также отщепы. Применение приема ретуширования в комплексах весьма ограничено, так изредка оформлялись мясные ножи – средние пластины со скошенным концом. Скошенный ретушью конец имели и вкладыши наконечников головной части. В целом подбор заготовок орудий по признаку износоустойчивости позволял свести к минимуму ретуширование [Мосин, 2012, с. 54]. Не удивительно, что одной из отличительных черт зауральского мезолита является бедность типологического набора.

С точки зрения морфологии (типологии) наиболее выразительными типами изделий являются острия, обработанные крутой ретушью со спинки (реже – с брюшка), отдельные геометрические микролиты, скошенные острия, пластинки с обработанным торцом, боковые ретушные резцы, отдельные шлифованные орудия. Перечисленные типы орудий встречаются на всех известных стоянках региона, но в разных сочетаниях. Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержит такие характерные типы орудий, как геометрические микролиты – трапеции и треугольники; в другой части стоянок (Серый камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная гора) геометрические микролиты присутствуют. Объяснить этот факт с территориальной, хронологической, хозяйственной или какой-либо еще позиции пока не удается. Поскольку технология указанных комплексов одинакова, можно предположить, что это два варианта одной традиции.

Переход от мезолита к неолиту в Зауралье не вызвал заметных перемен в производстве, основанном на микропластинчатом расщеплении и вкладышевой технике. Не изменилась ни стратегия расщепления, структурная схема распределения орудий, ни их типология. Единственной новацией стало появление в вооружении наконечников стрел с двухсторонней обработкой, что вызвало и некоторые изменения в традиции оснащения наконечника вкладышами.

На сегодняшнем этапе развития археологии наиболее надежным критерием установления традиций в неолите и энеолите могут выступать керамические комплексы, в частности, сочетание таких показателей как морфология, техника декорирования и стилистика декора конкретного сосуда. Основаниями для применения такого подхода являются положения о том, что каждый сосуд можно рассматривать не как «целостный объект» исследования (что было характерно для эмоционально-описательного подхода) и не как «набор» (или «пучок») признаков (что было свойственно формально-классификационному подходу), а как результат приобретения определенных навыков труда, использованных для изготовления сосуда и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках конкретного человеческого коллектива. Судя по многочисленным этнографическим данным, более чем в 90% случаев производственные навыки в гончарстве передаются по тем или иным родственным каналам. Технология изготовления и особенно «стилистика декора» на сосуде (прежде всего в раннюю эпоху) определяли зрительно воспринимаемый внешний облик изделия, позволяя членам конкретных человеческих коллективов отличать «свою» посуду от «чужой» [Цетлин, 2012, с. 34, 129, 203]. Такое принятие культурных норм и ценностных ориентаций, понимание «своего» на фоне «другого», разделение с позиции культурных характеристик является частью идентичности социума.

В раннем неолите Зауралья мы фиксируем две основные традиции декорирования керамики: кошкинскую и козловскую с несколькими вариантами – кокшаровско-юрьинским, евстоницким и собственно козловским. Различие вариантов козловской традиции заключается в преобладании тех или иных технических приемов декорирования, хотя этих приемов очень немного: отступающий накол, прочерчивание «палочкой», «лопаточкой», «двузубым штампом». Кошкинская традиция также неоднородна, в ней есть сосуды с круглыми и плоскими днищами, неорнаментированные и с декором, выполненным в отступающе-накольчатой технике, с различной стилистикой декора. Однако варианты в этой традиции специалистами почему-то не выделяются. У посуды обеих традиций общая технологическая основа – использование илистых глин в сочетании с органическим раствором. Оба типа посуды имеют много общего в технических приемах декорирования и стилистике декора: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. Посуда обеих традиций часто залегает совместно в культурных слоях памятников (например, Варги 2, Кокшаровского холма), а в конце раннего неолита на памятниках Притоболья (например, в Кочегарово I, Долговском) различить посуду обеих традиций, выполненную с использованием отступающе-накольчатой техники, практически невозможно.

На рубеже раннего и позднего неолита в течение 200–300 лет (по существующей в данный момент радиоуглеродной хронологии) в Зауралье сосуществуют почти все традиции и варианты декорирования керамической посуды, характерные для раннего и позднего неолита [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014, с. 33–48]. В комплексах посуды позднего неолита также можно наблюдать две основные традиции: полуденскую с «классическим» полуденским и гребенчатым вариантами и боборькинскую с басьяновским и собственно боборькинским вариантами. Можно с уверенностью утверждать, что полуденская традиция наследует козловскую, поскольку отмечается переход от

одной традиции к другой с постепенным расширением использования зубчатого штампа как в технике прочерчивания этим инструментом, так и в дальнейшем, в технике «шагания» и вертикального оттиска. Сохраняется в известной мере и отступающе-накольчатая техника, применяемая, как правило, при декорировании сосудов в сочетании с зубчатой. Говорить о прямом наследовании традиций: кошкинской – басьяновская – боборыкинская – пока не приходится, хотя отдельные факты свидетельствуют в пользу признания ее (например, наличие порой неразличимых плоских днищ в кошкинской и боборыкинской посуде). Вероятнее всего, мы просто многого еще не знаем. Как и в раннем неолите, посуда разных традиций залегает совместно на одних и тех же поселениях (Краснокаменка, Ук VI и др.). О сосуществовании и взаимодействии носителей указанных традиций позволяет говорить и технологический анализ. Так, приемы составления формовочных масс полуденских гончаров, с одной стороны, наследуют козловским традициям, с другой – «аналогичны басьяновским, ... сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс ... может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» [Васильева, 2011, с. 122–123].

На рубеже позднего неолита и энеолита отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая – в гребенчатый энеолит с простыми и геометрическими узорами. Морфология энеолитической посуды всего Зауралья одинакова – это сосуды полуяйцевидной или слабопрофилированной формы с прямым или отогнутым венчиком и округлым дном. Обитатели восточного склона Урала использовали посуду, которая была изготовлена из глины с примесью талька, она имеет характерный блеск и оттенок, орнаментальные узоры представляют собой простые (линейные) и сложные геометрические композиции [Мосин, 2003, с. 40–52; Чаиркина, 2005, с. 188–200]. На уровне сегодняшних знаний мы можем констатировать, что в энеолитическое время в Зауралье, как и в неолите, бытовали две основные традиции: декорирование с помощью гребенчатого штампа и отступающего (ложношнурового) или простого накола. «Жучки», «веревочка», «гусенички», по сути, являлись разновидностями оттисков зубчатого штампа и никогда не характеризовали обособленный комплекс. О сосуществовании и взаимодействии носителей этих традиций в энеолите говорит то, что в 57% случаев посуда, декорированная оттисками гребенчатого штампа и в отступающе-накольчатой (ложношнуровой) и накольчатой технике, обнаружена в совместном залегании; в 30% – в культурных слоях совместно залегали сосуды большинства технических вариантов энеолита Зауралья. Необходимо учитывать и тот факт, что на одном сосуде встречается сочетание двух разных техник декорирования – реже гребенчатых оттисков и ложношнуровой, чаще – оттисков гребенчатых и «жучков» или «гусеничек». Вероятно, на какой-то части территории Зауралья сохранялась и боборыкинская традиция, несколько радиуглеродных дат которой дают возможность отнести завершение ее существования к энеолиту.

Картографирование комплексов материальной культуры мезолита, неолита и энеолита, сохранявших основные традиции, позволяет выявить социокультурное пространство зауральского населения. При этом каждое поселение в пределах этой территории будет отличаться от другого (даже если они одновременны) по соотношению указанных признаков, поскольку каждая община имела свои социальные связи и направления этих связей определяли облик коллекции предметов материальной культуры поселения. Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев р. Тавда до широтного течения р. Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон: лесостепную, горно-лесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Обозначенные условные границы существования зауральских традиций оттеняются культурным фоном населения с отличными «незауральскими», традициями, характеризующими «другую» идентичность, зафиксированную на сопредельных территориях. При этом часто образуется пространство, занятое социумами, в которых в той или иной степени сочетаются зауральские и иные традиции.

В мезолитическое время наиболее известны стоянки и поселения мезолита в бассейне р. Конда, находящиеся к северо-востоку от зауральских стоянок. При определенном сходстве с зауральскими благодаря общей мезолитической «платформе», состоящей из базового производственного набора, кондинские поселения выделяются комплексом орудий на мелких отщепах и расколотых гальках, наличием шлифованных рубящих орудий с выступами-«кушками» и др. [Беспрозванный, 1997, с. 26–38]. На востоке памятники прииртышского мезолита пока единичны, что не позволяет охарактеризовать какую-либо традицию в целом. На юго-востоке, в среднем и нижнем тече-

нии р. Чаглинка и в верховьях и среднем течении р. Ишим, население имеет свои традиции в использовании сырья, пластинчатых заготовках и орудий, отличающихся от зауральских пропорциями, применением и расположением крупной ретуши, сочетанием в наборе орудий, таких как срединные резцы на пластинах и на отщепах, и др. [Зайберт, Потемкина, 1981, с. 107–129]. На западе, в северной части Предуралья, обширную зону Прикамья и Камско-Вятского междуречья занимают памятники камского мезолита, на которых обнаружены отдельные крупные трапеции симметричной формы с вогнутыми краями и крупные шлифованные рубящие орудия [Бадеп, 1966, с. 194–205; Старков, 1989, с. 125–129; Гусенцова, 1993, с. 9–80]. На юге Предуралья и Среднего Поволжья ряд памятников Волго-Уралья, таких как Романовка II, Ильмурзино, Старо-Токская, Тат-Азибейская III и IV, отличаются тем, что население их использовало в качестве заготовки более крупные пластины. Эта индустрия может быть расценена как среднепластинчатая, для которой не характерна вкладышевая техника изготовления орудий. В традиционных наборах орудий встречаются резцы архаичных форм и скребки на широких пластинах или пластинчатых отщепах и сколах [Матюшин, 1976; Моргунова, 1983, с. 3–18; Ластовский, 2000, с. 81–140].

Соседями неолитического населения Зауралья на северо-востоке были общины кондинской неолитической традиции, которая на ранних этапах включала и зауральские элементы [Клементьева, Круземент, Погодин, 2012, с. 497–524]. На востоке памятники раннего неолита пока достоверно не известны, поздний неолит представлен артынской традицией Приишимья и Прииртышья [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106–108]. На эти территории в определенное время распространялась и боборькинская традиция, правда, в несколько измененном виде [Бобров, Юракова, 2014, с. 211–214]. На юго-востоке существовала своеобразная маханджарская традиция, занимавшая степную зону [Логвин, 2002].

В энеолите на поселениях Зауралья по мере продвижения на восток в керамических комплексах все большую долю составляет посуда западносибирского гребенчато-ямочного ареала: сосуды полуяйцевидной или слабопрофилированной формы с отогнутым венчиком, обязательными рядами ямок под венчиком и по тулову, полосами «шагающей гребенки», сосуды с крупными наколами, а также «жучками». Облик комплексов керамики постепенно меняется с ослаблением брачно-семейных, экономических и других связей с общинами восточного склона и расширением родственных отношений с населением гребенчато-ямочных традиций. В Тоболо-Ишимье зауральские признаки окончательно растворяются в традиции гребенчато-ямочной посуды. В юго-восточном направлении общины приобретают признаки зауральских и ботайско-терсекских традиций, на юго-западе зауральская тальковая керамика встречается на поселениях токско-турганикских общин, на северо-востоке – среди населения бассейна Конды, производившего керамику еныйского типа [Стефанов и др., 2005, с. 48–86].

Единство населения зауральского социокультурного пространства проявилось и в существовании святилищ и культовых холмов: Камня Дыроватого в мезолите и неолите, Кокшаровского и Усть-Вагильского холмов в неолите и круглоплановых святилищ Савин I, Слабодчики I, Велижаны 2 в энеолите. Их комплексы отражают весь спектр технологических и орнаментальных традиций региона в мезолите–энеолите.

Таким образом, обозначенное физическое и культурное пространство синхронно и диахронно взаимосвязанных традиций, ограниченное «другими» традициями-идентичностями, мы можем рассматривать как социокультурное пространство зауральского населения мезолита–энеолита. Понятие «социокультурное пространство» можно использовать как комплексную детерминанту идентичности расположенных в этом пространстве социумов и в качестве основы в реконструкциях и моделировании исторической составляющей археологии, обуславливая связанность, непрерывность, организованность социально-исторического процесса. Социокультурное пространство – это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах как опредмеченных социальных потребностях. Оно может иметь условные границы, очерченные в соответствии с традициями и взаимодействием коллективов, объединенных в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными характеристиками. В основе социокультурного пространства могут лежать как синхронные связи разного уровня, так и диахронные, отражая тем самым тысячелетние традиции, создающие многомерную систему существования человеческого общества. Понятие «социокультурное пространство» является фундаментальным для археологии, поскольку объединяет в себе понятия пространст-

ва (физического и социального), материи (материальной культуры и социальных потребностей, в ней отраженных) и времени.

Примечания

¹ О возможном определении социумов в древности и список литературы см.: Этничность в археологии или археология этничности?: матер. круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск, 2013.

Библиографический список

- Ахиезер А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии // *Вопр. философии*. 2000. № 9. С. 29–45.
- Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // *У истоков древних культур (эпоха мезолита)*. М.; Л., 1966. С. 194–205.
- Беспрозванный Е. М.* Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г.* Артынская культура // *Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда*. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 106–108.
- Бобров В. В., Юракова А. Ю.* Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // *Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани*. Казань, 2014. Т. I. С. 211–214.
- Волкова Е. В.* Пространство символа и символ пространства в работах Ю. М. Лотмана // *Вопр. философии*. 2002. № 11. С. 149–164.
- Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В.* Хронология уральского неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. Вып. 1 (57). С. 33–48.
- Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
- Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М.* К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // *Сов. археология*. 1981. № 3. С. 107–129.
- Клементьева Т. Ю., Кружемент С. А., Погодин А. А.* Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // *Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина*. М., 2012. С. 497–524.
- Лапин Н. И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // *Социологические исследования*. 2000. № 7. С. 3–12.
- Ластовский А. А.* Мезолит // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век*. Самара, 2000. С. 81–140.
- Логвин В. Н.* Тургайский прогиб в эпоху мезолита–энеолита: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2002. 40 с.
- Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976. 368 с.
- Моргунова Н. Л.* Старо-Токская мезолитическая стоянка // *Древние памятники на территории Восточной Европы*. Воронеж, 1983. С. 3–18.
- Мосин В. С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003. 220 с.
- Мосин В. С.* Методология исследования стоянок и поселений каменного века Урала // *Уральский исторический вестник*. 2012. Вып. 4 (37). С. 15–24.
- Мосин В. С.* Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья // *Вестник Пермского университета. Сер.: История*. 2012. Вып. 1 (18). С. 50–66.
- Ремизова М. Н.* Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2012, № 10 (24), Ч. 1. С. 158–162.
- Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. М., 1992. 543 с.
- Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г. В. Осипов*. М., 1998. 488 с.
- Старков В. Ф.* Мезолит Среднего Приуралья // *Мезолит СССР*. М., 1989. С. 125–129.
- Стефанов В. И., Косинская Л. Л., Погодин А. А., Дубовцева Е. Н., Беспрозванный Е. М.* Поселение Енья 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // *Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга)*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 48–86.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 430 с.

Чауркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 410 с.

Шакурова М. В. Социокультурное пространство как условие становления социокультурной идентичности личности. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (дата обращения: 20.07.2012).

Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.12.2015

SOCIOCULTURAL SPACE IN THE LATE STONE AGE

V. S. Mosin

Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, Lyuksemburg str., 56, 620026, Yekaterinburg, Russia
mvs54@mail.ru

The present-day archaeology of the Stone Age is aimed at searching the new methodological approaches based on the analysis of artifacts in order to help modeling the history of ancient societies. The adaptation of main historical and sociological concepts, definitions and terms to archaeological research will broaden the scope of possible interpretations of archaeological sources. The main aim of the paper is to examine the possibility of using a concept of “sociocultural space” in archaeology. The author considers the sociological meaning of the concept and tries to identify the main features of the traditions in the Mesolithic-Eneolithic Trans-Urals. Mapping sites with the main traditions revealed sociocultural space of the Trans-Ural population of the late Stone Age. In this context, “sociocultural space” means both natural and cultural spaces; its boundaries are delineated by cultural traditions and traces of synchronic and diachronic interactions. The author states that sociocultural space is a space in which social processes are culturally mediated and available to us in artifacts as objectified social needs. It combines the concepts of space (physical and social), material (material culture and social needs reflected in it) and time.

Key words: methodology, traditions, sociocultural space, the Trans-Urals, Stone Age.

References

- Akhiezer A. S. Filosofskie osnovy sotsiokul'turnoy teorii i metodologii. *Vopr. filosofii*. 2000. № 9. S. 29–45.
- Bader O. N. Mezolit lesnogo Priural'ya i nekotorye obshchie voprosy izucheniya mezolita. *U istokov drevnikh kul'tur (epokha mezolita)*. M.; L., 1966. S. 194–205.
- Besprozvannyy E. M. Mezolit taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri. (Predvaritel'nye itogi izucheniya). *Okhrannyye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*. Ekaterinburg, 1997. Vyp. 1. S. 26–38.
- Bobrov V. V., Marochkin A. G. Artynskaya kul'tura. *Tr. III (XIX) Vseros. arkheol. s'ezda*. SPb.; M.; Velikiy Novgorod, 2011. T. 1. S. 106–108.
- Bobrov V. V., Yurakova A. Yu. Boborykinskiy kompleks v neolite Barabinskoy lesostepi. *Tr. IV (XX) Vseros. arkheol. s'ezda v Kazani*. Kazan', 2014. T. 1. S. 211–214.
- Volkova E. V. Prostranstvo simvola i simvol prostranstva v rabotakh Yu. M. Lotmana. *Vopr. filosofii*. 2002. № 11. S. 149–164.
- Vybornov A. A., Mosin V. S., Epimakhov A. V. Khronologiya ural'skogo neolita. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2014. Vyp. 1 (57). S. 33–48.
- Gusentsova T. M. Mezolit i neolit Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Izhevsk, 1993.
- Zaybert V. F., Potemkina T. M. K voprosu o mezolite lesostepnoy chasti Tobolo-Irtyskogo mezhdurech'ya. *Sov. arkheologiya*. 1981. № 3. S. 107–129.
- Klement'eva T. Yu., Kruzement S. A., Pogodin A. A. Poseleniya epokhi neolita na severe Zapadnoy Sibiri (baseyn r. Kondy): polevye issledovaniya 2007–2011 gg. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiyu Alekseye Nikolaevicha Sorokina*. M., 2012. S. 497–524.
- Lapin N. I. Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsial'no-funktsional'nye struktury. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000. № 7. С. 3–12.
- Lastovskiy A. A. Mezolit. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kamennyy vek*. Samara, 2000. S. 81–140.
- Logvin V. N. Turgayskiy progib v epokhu mezolita–eneolita: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 2002. 40 s.
- Matyushin G. N. Mezolit Yuzhnogo Urala. M., 1976. 368 s.

- Morgunova N. L.* Staro-Tokskaya mezoliticheskaya stoyanka. *Drevnie pamyatniki na territorii Vostochnoy Evropy*. Voronezh, 1983. S. 3–18.
- Mosin V. S.* Eneoliticheskaya keramika Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Chelyabinsk, 2003. 220 s.
- Mosin V. S.* Metodologiya issledovaniya stoyanok i poseleniy kamennogo veka Urala. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2012. Vyp. 4 (37). S. 15–24.
- Mosin V. S.* Mezoliticheskie stoyanki lesostepnogo Zaural'ya. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2012. Vyp. 1 (18). S. 50–66.
- Remizova M. N.* Interpretatsiya ponyatiya «sotsiokul'turnoe prostranstvo» v klassicheskoy sotsiologii. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2012, № 10 (24), Ch. 1. S. 158–162.
- Sorokin P.* Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo / obshch. red., sost. i predisl. A. Yu. Soyumonov; per. s angl. M., 1992. 543 s.
- Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar': na russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh / red.-koord. G. V. Osipov. M., 1998. 488 s.
- Starkov V. F.* Mezolit Srednego Priural'ya. *Mezolit SSSR*. M., 1989. S. 125–129.
- Stefanov V. I., Kosinskaya L. L., Pogodin A. A., Dubovtseva E. N., Besprozvanny E. M.* Poselenie Enyya 12 (k voprosu o kul'turno-khronologicheskoy stratigrafii neolita-eneolita verkhov'ev Kondy). *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Fedorovicha Geninga): sb. nauch. tr.* Ekaterinburg, 2005. S. 48–86.
- Tsetlin Yu. B.* Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda. M., 2012. 430 s.
- Chairkina N. M.* Eneolit Srednego Zaural'ya. Ekaterinburg, 2005. 410 s.
- Shakurova M. V.* Sotsiokul'turnoe prostranstvo kak uslovie stanovleniya sotsiokul'turnoy identichnosti lichnosti. URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Shakurova.pdf> (data obrashcheniya: 20.07.2012).
- Elias N.* Obshchestvo individov. M., 2001.